

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.342.14

А. Ю. Протасов

СИСТЕМНЫЕ ЦИКЛЫ НАКОПЛЕНИЯ ДЖ. АРРИГИ И ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ ИНФЛЯЦИИ

Введение

В 1994 г., когда российская экономика переживала глубокий трансформационный кризис, сопровождавшийся беспрецедентной инфляцией, уровень которой в годовом исчислении по индексу потребительских цен достигал 940% в 1993 г. и 320% в 1994 г. [1, с. 583], в зарубежной научной печати была опубликована книга итальянского экономиста и исторического социолога Джованни Арриги «Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени»¹. Эта работа — уникальное исследование логики исторического развития капитализма — от эпохи аграрно-торговых отношений в северо-итальянских городах-государствах до современной информационно-финансовой стадии глобального неолиберализма, как «волнообразно достраиваемой системы контроля» над рынками и политикой государств [2, с. 6]. Примечательно, что этот весьма не простой для прочтения и осмысления труд появился в период коренного глобального реформирования структур власти и накопления капиталов, определявших порядок в мировой экономике в течение всего XX столетия. Вероятно, что такая работа, как исследование Дж. Арриги, — это результат естественной реакции общественно-экономической мысли на вызовы своего времени. С позиции сегодняшнего дня ценность этой книги заключается в том, что она представляет собой пример редкого интеллектуального прорыва, который, в отличие от «многоголосого щебетания современных экспертов о глобальном кризисе, сливающегося в одну большую немоту» [3, с. 1], дает мощный теоретический фундамент для переосмысления коренных перемен, происходящих в современном мире.

Александр Юрьевич ПРОТАСОВ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории экономического факультета СПбГУ. Окончил экономический факультет СПбГУ (1996) и аспирантуру (2000). В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию. С 2001 г. работает на экономическом факультете СПбГУ. Сфера научных интересов: современная микроэкономическая и макроэкономическая теория, теории инфляции и публичных финансов, экономика общественного сектора. Автор более 30 научных и учебно-методических публикаций, e-mail: baikal-spb@yandex.ru

¹ Arrighi G. The long twentieth century: money, power, and the origins of our times. London: Verso, 1994. На русский язык работа Дж. Арриги была переведена только в 2006 г. [2].

© А. Ю. Протасов, 2013

Отличительной особенностью этого труда является применение метода историко-теоретического синтеза в исследовании траекторий развития мировой экономики, который проистекает из идей мир-системного анализа (И. Валлерстайн), новой исторической школы «Анналов» (Ф. Бродель, Л. Февр, М. Блок), «креативного разрушения» (Й. Шумпетер), а также марксистских и постмарксистских теорий.

С точки зрения анализа инфляционных процессов историко-теоретический синтез Дж. Арриги вызывает интерес по нескольким причинам.

Во-первых, использование методологического аппарата, примененного Дж. Арриги в исследовании исторического развития капитализма в Европе, позволяет преодолеть узкие рамки современного мейнстрима (*mainstream*)², традиционно рассматривающего инфляцию с сугубо «технократической» точки зрения, как функцию определенных макроэкономических переменных (денежной массы, бюджетных дефицитов, обменных курсов, дискреционной монетарной политики центральных банков и т. д.). Достоинства такого функционального подхода вполне очевидны и связаны с детальной разработкой макро- и микроэкономических аспектов инфляционных процессов, созданием конкурирующих эконометрических моделей инфляции, а также с обоснованием основных направлений антиинфляционной политики в рамках традиционного экономического цикла. Однако не менее очевидными являются и его ограниченные возможности дать убедительные ответы на то, как и почему в различные исторические эпохи формировались долгосрочные инфляционные тренды, каковы политико-экономические причины современной длинной волны инфляции, насколько вероятно бесконечно долгое существование инфляционной структуры мировой экономики, сложившейся в XX в. Следовательно, поиск ответов на эти вопросы должен осуществляться в рамках другой теоретико-методологической парадигмы, роль которой вполне успешно может сыграть предложенная Дж. Арриги концепция системных циклов накопления.

Во-вторых, обоснованные Дж. Арриги циклические закономерности истории развития капитализма в виде последовательной смены определенных, специфических для своей эпохи режимов накопления капитала, под которыми понимаются два основных способа накопления — накопление посредством расширения производства и торговли (материальная экспансия) и накопление посредством расширения финансового посредничества (финансовая экспансия), дают основание для фундаментального анализа закономерностей и логики воспроизводства длинных исторических волн инфляции, в том числе последней волны инфляции XX — начала XXI в., сила и размах которой существенно отличаются от аналогичных волн прошлых столетий.

В-третьих, оригинальный подход Дж. Арриги к объяснению динамики капитализма как результата разрешения постоянно возникающих противоречий между различными социальными слоями общества, включая институты государственной власти и представителей ведущих центров накопления капитала, позволяет расширить представления об инфляции и наполнить ее понятие новым содержанием. Речь идет о том, что общепринятые в настоящее время определения инфляции, связы-

² Ядром «основного течения» в современной экономической мысли принято считать неоклассическую теорию. В настоящее время «основное течение» помимо неоклассики включает новую классическую макроэкономику, Чикагскую макроэкономическую школу, некоторые остатки кейнсианства, некейнсианские теории и новый институционализм.

вающие ее с повышением общего уровня цен, сопровождающегося обесценением национальной денежной единицы под влиянием многочисленных денежных и неденежных факторов, недостаточно полно отражают сущность, системный характер и социально-экономическую природу этого феномена.

Если исходить из диалектического метода, который положен в основу концепции системных циклов накопления, то обесценение денег и самоподдерживающийся рост цен предстают различными формами одного и того же инфляционного процесса. Обесценение денег можно назвать, следуя логике В. Н. Афанасьева, формой существования инфляции, а рост общего уровня цен — формой проявления инфляции [4, с. 18–22]. В то же время содержанием инфляции является массовое перераспределение национального дохода и общественного богатства. Такой подход к определению инфляции был свойствен марксистской политической экономии. Он представлен в работах советских экономистов — Г. Г. Матюхина, И. Б. Нерушенко [5, с. 14; 6, с. 13] и некоторых других ученых. С середины 70-х годов XX в. аналогичный подход стал развиваться на Западе в рамках концепции «общественного согласия» («конфликтной теории»), которая объединила представителей самых различных школ и направлений, не вписывающихся в «основное течение»: посткейнсианства (С. А. Маглин, Р. Е. Роуторн), структуралистской теории инфляции (О. Аукруст, Л. Тейлор, Дж. Оливер, К. Нагатани), фискальной теории (Ф. Кейган, Е. Кардозо), французской школы регуляционистов (М. Аглиета, Ж. Сапир), социологической концепции инфляции, тесно примыкающей к институциональной теории (Дж. Голдторп) (см. [7, с. 73–77]). Среди современных российских экономистов эта концепция развивалась А. В. Аникиным, И. А. Каменецким, Ю. Черновым [8, с. 400; 9, с. 56; 10, с. 25].

Заметим, что теории инфляции, возникшие после мирового кризиса середины 70-х годов XX в., никогда не пересекались с мир-системными исследованиями Дж. Арриги, продолжавшим традиции, заложенные Ф. Броделем. Вместе с тем общим, что объединяет эту группу теорий инфляции с концепцией системных циклов накопления Дж. Арриги, является единое предметное поле — социальный перераспределительный конфликт и схожий аналитический инструментарий, используемый в теоретических построениях. Это обстоятельство позволяет, опираясь, с одной стороны, на концепцию Дж. Арриги, а с другой — на представления об инфляции теоретиков, принадлежащих к концепции «общественного согласия», дать расширительную трактовку этому феномену, в соответствии с которой *инфляция представляет собой процесс массовых распределительных и перераспределительных конфликтов между различными социальными слоями общества, между институтами государства и обществом, а также между национальными государствами относительно доли в национальном доходе, общественном или мировом богатстве, формами проявления которого выступают обесценение денег и всеобщее и неравномерное повышение цен.*

Таким образом, работа Дж. Арриги естественным образом подталкивает к смене акцентов в изучении инфляции. Речь идет, прежде всего, о необходимости возврата к традициям политэкономического подхода к анализу инфляции и ее циклических закономерностей. Политэкономические исследования инфляции, несмотря на доминирование современных теорий в рамках «основного течения», никогда не прекращались [7; 11–14]. Вместе с тем следует заметить, что нелинейная динамика инфляции и ее волнообразный характер остались за пределами внимания современ-

ных политэкономов. Требуется дальнейшее продолжение исследований в этом направлении.

Итак, оригинальность концепции системных циклов накопления, созданной Дж. Арриги для выявления закономерностей исторического развития капитализма, не позволяет обойти вниманием интереснейшую проблему, связанную с проверкой работоспособности этой концепции в вопросах объяснения пока еще мало изученных закономерностей формирования долгосрочных трендов инфляции. Это и стало целью настоящего исследования.

В случае если удастся найти более-менее удовлетворительные подтверждения взаимосвязи исторических трендов инфляции и системных циклов накопления, откроются новые возможности для разработки будущих сценариев развития инфляционной ситуации как в мире в целом, так и в долгосрочном развитии экономики России.

На основании этой целевой установки в статье основное внимание уделено решению трех взаимосвязанных задач. Во-первых, исходя из того, что объектом исследования выступает историческая динамика инфляционных процессов, в качестве исходного пункта анализа выбрана эмпирическая верификация длинноволновой динамики инфляции в мировой экономике, а также краткий обзор существующих теоретических подходов к ее обоснованию. Во-вторых, для проверки возможной взаимосвязи между системными циклами накопления и длинноволновой динамикой инфляции требуется осуществить теоретический анализ методологических особенностей построения системных циклов накопления и провести сопоставительный анализ выявленных фаз инфляционных волн с фазами системных циклов накопления. Наконец, в-третьих, необходимо раскрыть механизм формирования инфляционных волн, в основу которого положена логика последовательной смены системных циклов накопления Дж. Арриги. Перечисленным выше задачам соответствует структура настоящей статьи.

Инфляция на волнах истории

Изучение истории инфляции показывает, что практически все страны мира в течение пяти веков — с 1500 г. по настоящее время — значительное количество лет провели в условиях 20%-ной инфляции, а большинство стран испытали инфляцию свыше 40% [15, с. 219–222]. На рис. 1 показан график медианного уровня инфляции с 1500 по 2009 г. в 67 странах мира, охватывающих регионы Европы, Азии, Америки и Африки.

Анализ представленных на рис. 1 динамических рядов цен показывает, что инфляции, помимо кратко- и среднесрочной циклической динамики, присуще волнообразное развитие на временных промежутках, превышающих 100 лет. На такой волнообразный характер движения цен (на рис. 1 эти волны просматриваются в динамике общего долгосрочного тренда уровня инфляции) обращали внимание многие исследователи. Например, Ф. Бродель, придавая большое значение ценовой динамике при изучении мир-экономик средневековой Европы, выделил четыре вековых цикла (волны) — I цикл: 1250 — 1507 (1510) гг. с максимумом в 1350 г.; II цикл: 1507 (1510) — 1733 (1743) гг. с максимумом в 1650 г.; III цикл 1733 (1743) — 1896 гг. с максимумом примерно в середине 1810-х годов и IV цикл: 1896 — ? с максимумом примерно в середине 1970-х годов [17, с. 60].

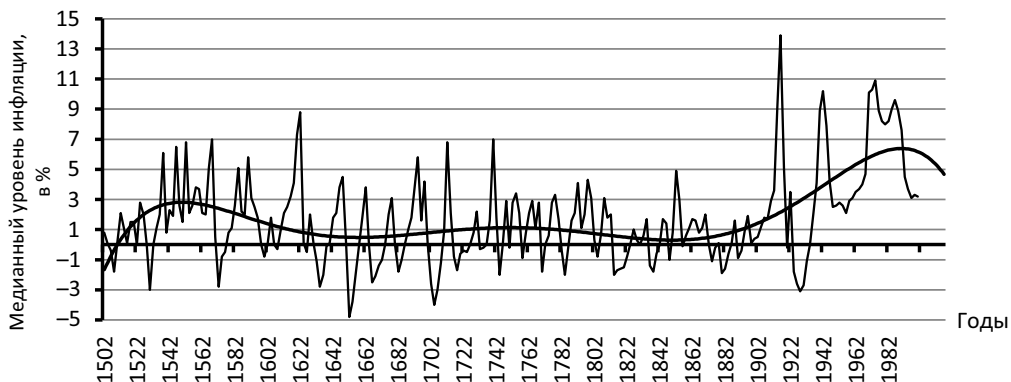

Рис. 1. Медианный уровень инфляции. Пятилетние скользящие средние для 67 стран мира за период с 1500 по 2009 г.
 Рассчитано по: [15, с. 217; 16].

Длинные ценовые циклы Ф. Броделя охватывают несколько столетий и включают две фазы ценовых трендов — долгосрочную фазу роста и нисходящую длительную тенденцию понижения цен. Это вполне согласуется с приведенным графиком на рис. 1. Многовековые колебания цен дают основание предположить, что инфляция формируется не только под воздействием текущих конъюнктурных факторов и сознательных действий власти, но и под влиянием факторов долгосрочного порядка, которые формируют длительные периоды инфляционного или дефляционного функционирования экономик.

Ф. Бродель выделяет три важные характеристики долговременных ценовых волн. Во-первых, каждая из тенденций в рамках одной волны представляет собой кумулятивный процесс, т. е. процесс повышения массы цен в условиях инфляционной волны и их снижения в условиях длительной дефляции. Во-вторых, ценовые волны являются признаком формирования рыночных сетей, которые возникают в результате развития международной торговли и транспортных средств. В-третьих, пространственное расширение торговых связей, усиление обменных операций постепенно формируют единый ритм цен в различных странах [17, с. 57, 59]. Исследования Ф. Броделя помогают сделать вывод о том, что в процессе эволюции рынка и развития капитализма возникают экономические структуры, связанные с организацией процессов производства, обмена и накопления капитала, которые определяют в длительной перспективе инфляционные или дефляционные режимы экономического развития. В этом смысле инфляционная волна XX в. представляет собой проявление закономерного продолжения исторического развития капитализма, который, по замечанию Ф. Броделя, имеет важнейшее качество — испытанную гибкость, способность к трансформации и адаптации.

Д. Фишер [18, р. 3–5] и М. Веренго [19, р. 2], продолжая исследования Ф. Броделя, сопоставили вековые тренды цен в хозяйственном развитии Англии с историческими изменениями в Европе за последние 800 лет и выделили четыре большие волны ценовых революций: волну цен позднего Средневековья (1180–1350 гг.); «революцию цен» XVI в. (1470–1650 гг.); инфляционные потрясения эпохи промышлен-

ной революции и Наполеоновских войн (1730–1815 гг.) и большую волну инфляции XX в. (1896–1996 гг.), которые представлены на рис. 2.

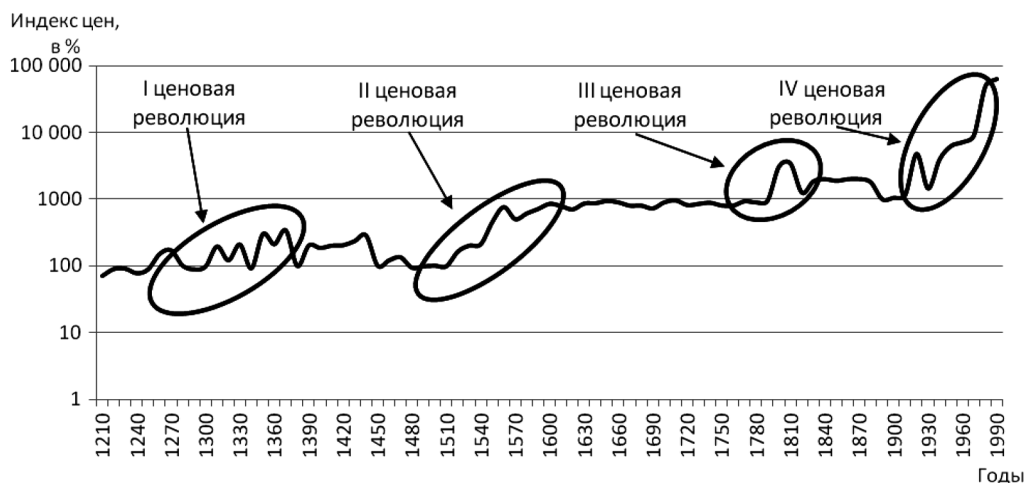

Рис. 2. Большие волны ценовых революций в истории Англии, сглаженный ряд, 1200–1990 гг. (1451–1475 = 100, логарифмическая шкала).

Источник: [18, р. 98–105; 19, р. 2; 20, р. 468–473; 21, р. 23].

Современные российские исследователи в меньшей степени были озабочены изучением долгосрочных инфляционных тенденций, что вполне объяснимо их сосредоточением на злободневных острых проблемах инфляционных кризисов 90-х годов прошлого века, а в настоящее время — снижением в целом интереса к проблемам инфляции по мере ослабления ее напряженности в стране.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на некоторые исследования длинноволновой динамики инфляции в работах российских ученых. Так, например, А.Ю. Давыдов [22, с. 12–15] на основе анализа временных рядов цен в западных странах выделяет пять длинных волн инфляции: инфляционную волну XIV в., обусловленную «порчей» серебряных монет в Англии и Франции; «революцию цен» XVI — начала XVII в.; инфляцию эпохи Великой французской революции; инфляцию периода Наполеоновских войн и инфляцию периода Первой мировой войны. В то же время остается неясным, почему автор ограничивает последнюю волну периодом Первой мировой войны, хотя динамические ряды показывают ее продолжение вплоть до конца XX в. с разрывом в 1930-е годы. Вместе с тем его анализ является более глубоким по сравнению с зарубежными исследованиями в том смысле, что в него включаются воспроизводственные длинноволновые факторы, воздействующие на динамику цен.

Работа другого российского экономиста, В. Шехина [23], вызывает интерес тем, что в ней сосредоточивается внимание на долгосрочной динамике инфляции в хозяйственном развитии России. В частности, исследователь выделяет две инфляционные волны в истории экономического развития России: первая (1863–1921 гг.) и вторая (1929–1985 гг.). В основе механизма длинных инфляционных волн в России, по мнению В. Шехина, лежит проинфляционная политика государства, реализуемая на

разных фазах двух больших волн экономической конъюнктуры — большой волны аграрно-индустриального типа воспроизводства и большой волны индустриально-го типа воспроизводства. Интересные исследования последствий долгосрочных изменений инфляции в дореволюционной России проведены О. А. Дроздовым [24; 25].

Обобщая теоретические подходы к анализу исторической динамики инфляции, необходимо обратить внимание на один их общий недостаток, связанный с отсутствием единого представления о том, что следует понимать под термином «инфляционная волна» (или «волна инфляции»). Во многом это объясняется тем, что волны инфляции ранее не являлись объектом самостоятельного анализа и рассматривались лишь в контексте более общих теоретических исследований истории мирового хозяйственного развития. В результате получается, что явление не имеет даже общепризнанного названия. Как уже упоминалось выше, Дж. Фишер именует вековые ценоповышательные тренды «ценовыми революциями», Ф. Бродель рассматривает долгосрочный рост цен в рамках более широких вековых колебаний цен, учитывающих в том числе и дефляционные спады, которые он называет «вековыми циклами», А. Бергсен определяет долгосрочный рост цен ценовой логистикой.

Собственно говоря, неважно, как назвать это явление, большее значение имеет определение его сущностных характеристик и критериев, по которым можно установить временной диапазон развертывания длинной волны инфляции. В противном случае возникает вероятность ошибок в идентификации длинной волны инфляции и повышается риск «соскальзывания» на совершенно другую ценовую логистику, как это произошло в интересном исследовании А. Ю. Давыдова, когда он отнес к инфляционной волне резкое конъюнктурное повышение цен в период Первой мировой войны. Указанную проблему иллюстрирует табл. 1, в которой наглядно показано различие временных диапазонов инфляционных волн в концепциях различных авторов.

Таблица 1. Периодизация длинных волн инфляции

Авторы	Инфляционные волны в мировой экономике				
	I	II	III	IV	V
Ф. Бродель*	1250–1350 гг.	1507 (1510) — 1650-е годы	1733 (1743) — 1810-е годы	1896 — середина 1970-х годов	–
Д. Фишер, М. Верненго	1180–1350 гг.	1470–1650 гг.	1730–1815 гг.	1896–1996 гг.	–
А. Ю. Давыдов	1300–1400 гг.	1500 — начало 1600-х годов	1789–1799 гг. (инфляция эпохи Великой французской революции)	1799–1815 гг. (инфляция периода Наполеоновских войн)	1914–1918 гг. (инфляция периода Первой мировой войны)
Инфляционные волны в России					
В. Шехин	–	–	–	I	II
	–	–	–	1863–1921 гг.	1929–1985 гг.

*Для выявления волн инфляции учтены только повышательные фазы ценовых циклов, выделенных Ф. Броделем.

Более обоснованным с точки зрения исторической динамики может быть следующее определение: *волны инфляции представляют собой повторяющиеся длительные этапы кумулятивного процесса всеобщего и неравномерного повышения цен в исторической эволюции хозяйственных систем, критерием выделения которых являются положительные значения долгосрочного тренда накопленного индекса цен.*

Опираясь на такое понимание волн инфляции и исходя из доступной исторической статистики, для выявления инфляционных волн целесообразно рассчитывать длинный временной ряд кумулятивных приростов индексов цен. На примере динамики общего индекса цен в Англии можно продемонстрировать фазы длинных волн инфляции в Европе с 1500 по 1950 г. (табл. 2). Динамический ряд ограничен 1950-м годом из-за особенностей современной волны инфляции, имеющей экспоненциальный вид, хотя ценоповышательная динамика после 1950 г. относится к одной и той же волне инфляции, зародившейся в конце XIX в.

Таблица 2. Кумулятивные приросты общего индекса цен в Англии 1500–1950 гг. (в %, 1471–1475 гг. = 100%)

Годы	Накопленная сумма цен	Годы	Накопленная сумма цен	Годы	Накопленная сумма цен	Годы	Накопленная сумма цен
1501–1505	9,6	1630–1640	85,6	1735–1745	28,1	1836–1840	63,7
1506–1510	-2,8	1640–1645	-51,9	1745–1755	-13,8	1840–1850	-168,3
1511–1530	48	1645–1650	165,1	1756–1760	126,5	1850–1860	147,4
1530–1540	-4,7	1650–1690	-239,9	1761–1765	-89,1	1860–1870	-26,4
1540–1560	134,6	1690–1700	95,7	1765–1775	68,2	1871–1875	37,4
1560–1565	-25,2	1700–1705	-122,1	1776–1780	-12,1	1875–1895	-207,9
1565–1600	238,6	1705–1715	52,8	1781–1785	41,8	1895–1920	599,5
1600–1605	-75,3	1715–1725	-58,3	1786–1790	-5,5	1920–1935	-270,4
1605–1625	88,6	1726–1730	22,7	1790–1815	435,9	1935–1950	626,6
1625–1630	-4,4	1731–1735	-52,4	1815–1835	-432,2	-	-

Рассчитано по: [18, p. 98–105; 19, p. 2; 20, p. 468–473; 21, p. 23].

Полученные данные целесообразно представить в графическом виде для выделения долгосрочного тренда, позволяющего обнаружить инфляционные волны (рис. 3). Таким образом, эмпирический анализ динамических рядов цен выявляет три длинные волны инфляции:

- I инфляционная волна, начавшаяся на рубеже XV–XVI вв. и продолжавшаяся до середины XVII в.;
- II инфляционная волна 1730–1810-х годов;
- III инфляционная волна конца XIX — начала XXI в.

С учетом исследований Ф. Броделя, Д. Фишера, М. Верненго и А. Ю. Давыдова, открывших инфляционную волну конца XIII — середины XIV в., можно выделить четыре инфляционные волны в экономической истории Европы. Вместе с тем це-

лесообразно сосредоточить внимание на идентифицированных выше трех волнах инфляции, учитывая то, что все они относятся к одной эпохе — зарождения и развития капиталистического хозяйства.

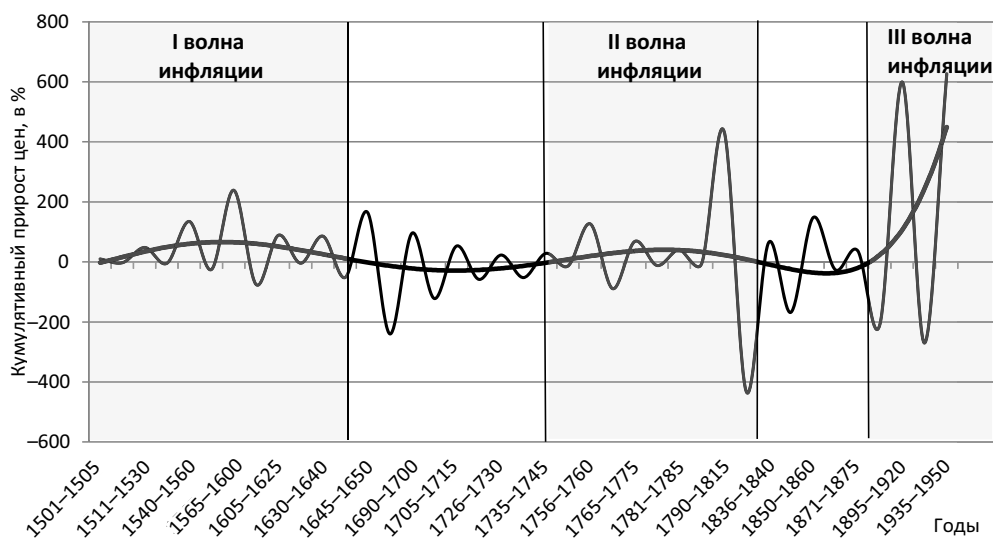

Рис. 3. Кумулятивный прирост цен и волны инфляции в истории хозяйственного развития Англии с 1500 по 1950 г.

В завершение анализа исторической динамики инфляции отметим два существенных момента. Во-первых, волны инфляции отличаются от ее циклической динамики в силу факторов долгосрочного порядка, связанных с изменениями в социально-экономических структурах общества и с историческими сменами форм и типов хозяйства. Волны инфляции идентифицируются по долгосрочным ценоповышательным трендам, вокруг которых визуально прослеживается динамика более коротких инфляционных циклов. Инфляционные циклы имеют свой эндогенный механизм воспроизводства, который обусловлен факторами сложившейся той или иной модели хозяйствования [26, с. 6; 27, с. 16; 28, с. 44–47; 29, с. 118]. Вместе с тем длинные волны инфляции, очевидно, оказывают влияние на циклический характер инфляции на более коротких временных интервалах, что требует дополнительного анализа, выходящего за рамки настоящей статьи.

Во-вторых, зарубежные исследования, посвященные данной проблематике (в их числе работы таких авторов, как Ф. Стенли, Р. Сахай, Дж. Манро, М. Постан и др. [30; 31; 32]), в основном базируются на методологических предпосылках монетаристских и неоклассических моделей инфляции или разрабатываются в рамках неомальтузианских традиций исследования исторической динамики. Отсюда очевидны и выводы относительно факторов длинных инфляционных волн, которые они связывают с циклами демографического роста населения и долгосрочными последствиями взрывного роста денежной массы. Вместе с тем попытки теоретического объяснения длинноволновой динамики инфляции на основе монетарных моделей сталкиваются с определенными трудностями. В частности, традиционно связывая динамику цен

с флуктуациями денежной массы в обращении, монетарные модели недостаточно убедительны в обосновании механизмов длинных волн инфляции, поскольку более пригодны для анализа инфляционных циклов, но не волн. Теории, развивающиеся в русле неомальтузианства и объясняющие длинные волны инфляции долгосрочными демографическими колебаниями, не могут дать описания длинной волны инфляции XX в., поскольку признано, что «мальтузианские ловушки» были преодолены к концу XIX в. [33, с. 184]. В связи с этим концепция системных циклов накопления Дж. Арриги, в которой представлены длинные исторические этапы становления и развития механизмов накопления капитала, является очень привлекательной для теоретического анализа волн инфляции.

Системные циклы накопления Дж. Арриги

Рассмотрение длинных волн инфляции с позиции концепции системных циклов накопления не бесспорно, и связано это, прежде всего, с тем, что системные циклы являются реконструкцией истории зарождения и эволюции капитализма, в то время как инфляционные волны наблюдались и в докапиталистические эпохи, на что обращал внимание сам Дж. Арриги [2, с. 46]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что смена хозяйственных систем всегда сопровождалась коренной ломкой социальных, экономических и политических структур, что не могло не приводить к изменениям не только самих механизмов воспроизводства инфляционных процессов, но и их роли в соответствующих социально-экономических системах. В этом смысле отличие инфляции в докапиталистические эпохи от инфляции эпохи капитализма заключается в том, что если раньше она играла роль стихийного способа ликвидации частных внутренних дисбалансов системы, то в современных условиях, сохраняя это свойство, она превратилась в инструмент сознательного регулирования экономического развития и в специфический финансовый актив ведущих сил накопления капитала, обеспечивающий контроль над рынками и политикой государств.

Интеллектуальным источником концепции системных циклов накопления является нетривиальное представление Ф. Броделя о трехуровневом строении капиталистического общества [17, с. XXXII–XXXIII]. Первый, нижний уровень — это слой базовой, повседневной жизни, зона примитивной и самодостаточной экономики, где осуществляются обыденные практики материальной жизни. Средний уровень занимает собственно рыночная экономика, где действуют известные механизмы спроса и предложения, ведется производство и обмен товарами. Наконец, верхний уровень занимают неспециализированные иерархические социальные структуры — антипод рынка. Этот слой является зоной господства капитала, которая находится в центре исследования Дж. Арриги. На этом высшем уровне возникают крупные прибыли, а сам социальный слой становится капиталистическим в силу склонности его представителей инвестировать крупные денежные капиталы ради их постоянного наращивания, наделяя тем самым деньги «производительной силой» [2, с. 47].

Обратим внимание на некоторые методологические особенности, характеризующие концепцию системных циклов накопления. Во-первых, исходным пунктом в построении системных циклов накопления Дж. Арриги стало выделение Ф. Броделем таких особенностей исторической динамики капитализма, как его «гибкость» и «эклектичность». Очевидно, что гибкость и свобода выбора направлений инве-

стирования обеспечиваются денежной формой капитала, а его эклектичность можно понимать как превращение денежной формы капитала в товарную и производительную формы, которые свидетельствуют о реализации выбора той или иной стратегии производственной или торговой деятельности, что значительно сужает возможности быстрой переориентации капитала на альтернативные комбинации его вложения, связанные с обеспечением требуемой нормы прибыли. Это показывает рост негибкости капитала и риски увеличения альтернативных издержек его использования. Таким образом, гибкость и эклектичность позволяют капиталу самосохраняться и саморазвиваться, постоянно преодолевая свои границы.

Во-вторых, исходя из такой трактовки особенностей исторического движения капитала, Дж. Арриги по-новому «прочитал» известную формулу К. Маркса: $D-T-D'$ (которая в ее первоначальной трактовке отражала логику движения индивидуальных капиталов), вложив в нее смысл повторяющейся закономерности исторического развития капитализма вообще, как мир-системы. В частности, он указывает, что «денежный капитал (D) означает ликвидность, гибкость, свободу выбора. Товарный капитал (T) означает капитал, вложенный в особую комбинацию производства — потребления с целью получения прибыли. D' означает расширение ликвидности, гибкости и свободы выбора» [2, с. 43].

В-третьих, важной методологической особенностью подхода Дж. Арриги с точки зрения объяснения длинноволновой динамики инфляции является выделение им закономерного чередования двух фаз в историческом движении капитала и стратегиях его накопления — *фазы материальной экспансии* капитала, которая соответствует первой части марксовской формулы ($D-T$) и *фазы финансовой экспансии*, соответствующей второй части формулы ($T-D'$). На фазе материальной экспансии денежный капитал (D) приводит в движение растущую массу товаров (T), включая превращенную в товар рабочую силу и природные ресурсы. По мере роста торгового и промышленного оборота усиливается конкуренция между центрами накопления капитала, которая ведет к сокращению нормы прибыли на вложенный капитал. В результате возросшая на фазе материальной экспансии масса денежного капитала (D') освобождается от своей товарной формы, и накопление осуществляется через финансовые сделки по сокращенной формуле ($D-D'$). Взятые в своем единстве две выделенные фазы составляют *системный цикл накопления капитала (СЦН)*. Начало и продолжение каждой финансовой экспансии одновременно означает начало завершающей стадии жизненного цикла соответствующего доминирующего режима накопления.

Исторический анализ подтверждает выделенные метаморфозы накопления капитала. Фазы материальной экспансии неизбежно сменялись фазами финансовой экспансии. Так произошло в XV в., когда капиталистическая олигархия в городах-государствах Италии, столкнувшись с падением прибылей от торговли, переключилась на банковское дело. Уход из торговли в финансовую сферу голландцев в середине XVIII в., англичан в конце XIX — начале XX в. и, наконец, американцев в последней четверти XX в. является свидетельством гибкости и эклектичности капиталистических сил.

В-четвертых, СЦН — это результат не постулирования, а конструирования исторической динамики развития капитализма на основе процедуры «включенного сравнения» механизмов накопления капитала в изменяющихся социальных, эконо-

мических и политических условиях капиталистической мир-экономики от его «суб-системного эмбрионального состояния в эпоху позднего Средневековья до современного глобального измерения» [2, с. 49, 65]. Дж. Арриги выделяет четыре СЦН, названия которых соответствуют государствам, где сосредоточивались ведущие силы накопления капитала той или иной эпохи: Генуэзский СЦН XV — начала XVII в., Голландский СЦН конца XVI — третьей четверти XVIII в., Британский СЦН второй половины XVIII — начала XX в. и Американский СЦН, который начался в конце XIX в. и продолжается на современной фазе финансовой экспансии. Наглядное представление о СЦН дает рис. 4.

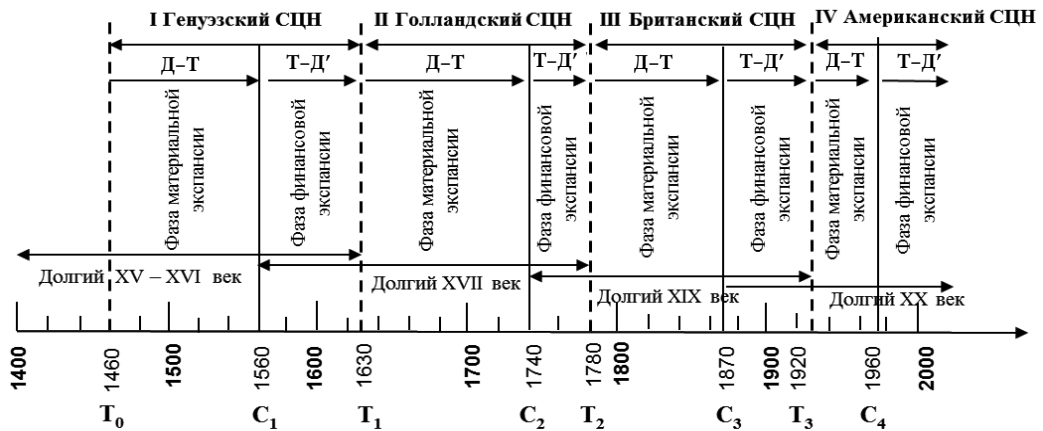

Рис. 4. Схема системных циклов накопления Дж. Арриги.
Составлено по: [3, с. 282].

Последовательная смена СЦН образует так называемые «долгие века», теоретическая конструкция которых играет роль основной единицы измерения исторического времени в развитии капитализма и демонстрирует взаимное пересечение СЦН, когда на фазах финансовой экспансии каждого предыдущего СЦН зарождаются организационные структуры власти и накопления нового СЦН. Периоды смены СЦН означают крах сформировавшихся сетей власти и деловых кругов каждого данного СЦН (терминальный кризис) и их смены зародившимися на фазе финансовой экспансии новыми организационными структурами (на рис. 3 они обозначены T₀, T₁, T₂, T₃). Фазовые переходы от стратегий накопления за счет роста производства и торговли к стратегиям накопления за счет преимущественно финансовых операций в рамках каждого СЦН сопровождалась системными кризисами (сигнальными кризисами — в трактовке Дж. Арриги), свидетельствовавшими об исчерпаемости потенциала роста прибыли за счет развития торговли и производства (на рис. 3 они обозначены C₁, C₂, C₃, C₄). Фаза финансовой экспансии одновременно является подготовительной фазой для начала нового СЦН, когда капитал, накопленный в своей ликвидной форме, устремляется в виде инвестиций в производство и торговлю, как только возникают для этого выгодные условия получения еще большей прибыли. Собственно говоря, здесь концепция Дж. Арриги частично перекликается с известной работой Р. Гильфердинга «Финансовый капитал» [34].

Системные циклы накопления и волны инфляции: эмпирика взаимного пересечения

Дж. Арриги скептически относится к взаимосвязи системных циклов накопления и столетних ценовых циклов Ф. Броделя, а также более коротких кондратьевских циклов, которые, по его мнению, не совпадают с СЦН и являются «эмпирическими конструкциями с неясным теоретическим значением, выводимым из наблюдаемых долгосрочных колебаний в товарных ценах» [2, с. 45]. Однако детальный анализ волн инфляции и СЦН позволяет обнаружить интересные совпадения в их динамике (рис. 5).

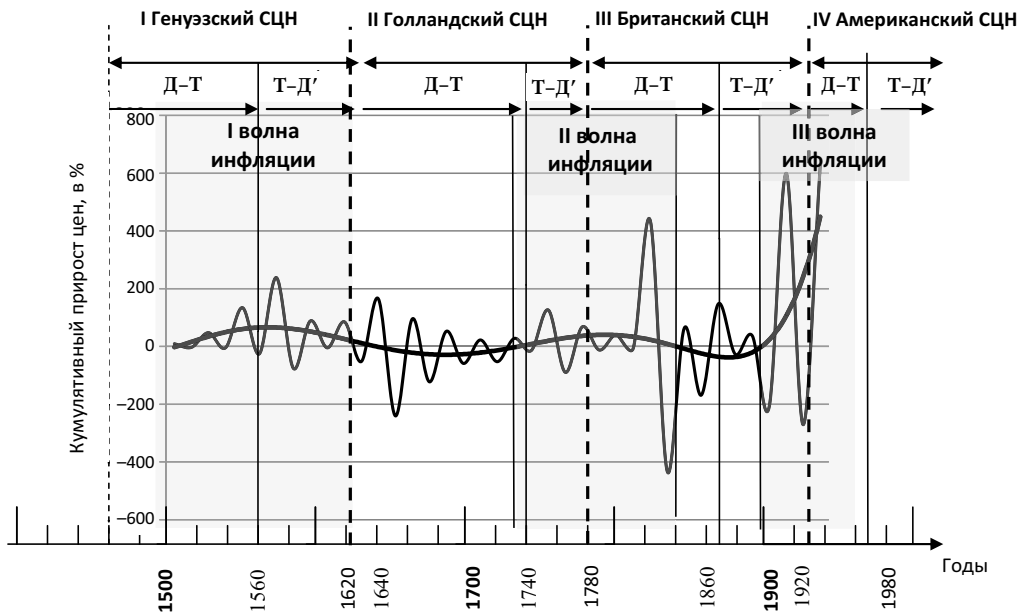

Рис. 5. Волны инфляции в Англии (1500–1950 гг.) и системные циклы накопления Дж. Арриги.

Для наглядности на рис. 5 совмещены этапы развития СЦН и динамика инфляционных волн в Англии за период с 1500 по 1950 г. Инфляция после 1950-х годов, как уже отмечалось выше, не показана из-за ее экспоненциального роста, хотя третья инфляционная волна, выделенная нами, продолжается вплоть до настоящего времени.

Изучение динамики СЦН и волн инфляции показывает, что, во-первых, все фазы финансовых экспансий вписываются во временные рамки инфляционных волн, за исключением финансовой экспансии в Британском СЦН, которая началась раньше третьей волны инфляции примерно на четверть века. Во-вторых, последовательная смена СЦН сопровождается соответствующей волной инфляции. В-третьих, первая и третья инфляционные волны оказываются настолько длинными, что фактически перекрывают весь временной контур Генуэзского и Американского СЦН. Наконец, в-четвертых, в окрестностях сигнальных и терминальных кризисов в СЦН обнару-

живаются инфляционные пики, наблюдаемые как в динамике мировой инфляции, так и в динамике инфляции в отдельных странах (табл. 3).

Таблица 3. Динамика инфляции в зонах терминальных кризисов системных циклов накопления

Показатели инфляции	I Терминальный кризис при переходе от Генуэзского к Голландскому СЦН (1630-е годы)	II Терминальный кризис при переходе от Голландского к Британскому СЦН (1770–1780-е годы)	III Терминальный кризис при переходе от Британского к Американскому СЦН (1920-е годы)
Максимальный медианный уровень инфляции в мире (в %)	8,8 (1622 г.)*	7,0 (1740 г.)	13,9 (1916 г.)
Максимальная годовая инфляция по странам (в %)	Австрия: 99,1 (1623 г.) Германия: 140,6 (1622 г.) Франция: 121,3 (1622 г.)	Дания: 77,4 (1772 г.) Польша: 92,1 (1762 г.) США: 192,5 (1779 г.)	Австрия: 1733,0 (1922 г.) Германия: 2,22 ¹⁰ (1923 г.) Нидерланды: 21,0 (1918 г.) Польша: 51699,4 (1923 г.) Россия: 13534,7 (1923 г.) Финляндия: 242,0 (1918 г.) Швеция: 35,8 (1918 г.)

* В скобках указан год пиковой инфляции.
Составлено по: [15, с. 219–220].

Взаимные пересечения этапов развития инфляционных волн и этапов смены СЦН не являются случайными, а носят вполне закономерный характер хотя бы уже потому, что своеобразие механизмов инфляции определяется ее системным характером и тем типом хозяйства (и, соответственно, режимом накопления), который реализуется на каждом конкретном историческом этапе развития общества. В этой связи не случайно из сопоставительного анализа была исключена волна инфляции XIII–XIV вв., выделенная Ф. Броделем, Дж. Фишером, М. Верненго и А. Ю. Давыдовым, механизмы которой не связаны с логикой капиталистического накопления.

Механизм формирования инфляционных волн: опыт политэкономического моделирования

Опираясь, с одной стороны, на идею о том, что инфляция по своему внутреннему содержанию является распределительным процессом и одновременно формой проявления конфликта интересов между ведущими силами накопления капитала, а с другой стороны, на представления Дж. Арриги о траекториях режимов накопления капитала, рассмотрим механизм инфляционных волн. При этом обратим внимание на два дополнительных обстоятельства.

Во-первых, волнообразное движение цен обусловлено не временными рамками СЦН, а логикой капиталистического накопления, связанной с переключением стратегий крупнейших держателей капиталов из броделевского «верхнего этажа» с инвестиций в материальные активы на инвестиции в чисто финансовые сделки. Эта логика вытекает из самого понятия капитала, связанного со стремлением к бес-

конечному наращиванию денежной массы (Д). В добавление к данному положению заметим, что на волны инфляции, вероятно, оказывают влияние и другие факторы политического, экономического и социально-культурного характера. Однако наша задача заключается в теоретическом обосновании именно влияния СЦН на длинные волны инфляции.

Во-вторых, СЦН реализуются в рамках соответствующих организационных структур, выполняющих роль движущей силы накопления капитала. В версии Дж. Арриги такими организационными структурами выступают особые институциональные блоки правительственных и ведущих деловых организаций своей эпохи, которые определяют траектории движения накопления капитала. Однако добавим к этому, что каждый режим накопления и соответствующие ему движущие силы поддерживались объективно сложившимся специфическим каркасом ресурсных, технологических и инфраструктурных элементов, позволявших на стадии материальной экспансии наращивать капиталы, а по мере ресурсного истощения и сопутствующего ему падения прибылей переключаться на финансиализацию активов в ожидании новых окон возможностей для продолжения материальной экспансии на базе появления нового ресурса эпохи и соответствующих ему технологических и инфраструктурных стилей. Это наше дополнение концепции СЦН базируется на идеях техноценозов Л. Г. Бадалян — В. Ф. Криворотова [35, с. 18, 207–211] и технико-экономических парадигм К. Перес [36, с. 30–34; 43–44], которые удивительно точно вписываются в концепцию СЦН и играют немаловажную роль в формировании длинных волн инфляции.

Таким образом, принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, механизм формирования длинных инфляционных волн, в основу которого положена логика последовательной смены системных циклов накопления, можно представить в следующем виде (п. 1–8).

1. На фазах *материальной экспансии* снижение нормы прибыли свидетельствует о проявлении базового противоречия капитала — противоречия между его самовозрастанием и ограниченными способностями реальной экономики (производства и торговли) генерировать требуемую норму прибыли.

2. Способность экономики генерировать требуемый денежный поток для ведущих центров накопления определяется совокупностью взаимосвязанных условий — жизненным циклом основного (доминантного) ресурса эпохи, технологиями его применения, инфраструктурой и культурным пакетом.

Доминантный ресурс, как стержневой ресурс эпохи, определяет хозяйственный стиль для каждого СЦН и формирует соответствующие институты, то, что в литературе называется *техноценозом*³. Например, уголь стал доминантным ресурсом в Британском СЦН благодаря изобретению и внедрению в хозяйственную практику парового двигателя, который коренным образом не только изменил способ организации производства в виде утверждения фабрики как основной институциональной формы общественного производства, но и привел к глубоким переменам в политической, социальной и культурной сферах. По мере распространения и закрепления ресурса в мир-экономике в качестве доминантного формируется соответствующая инфраструктура — сети углезаправочных станций по всему миру, развитие желез-

³ Техноценоз — совокупность способов организации производства, технологий, ресурсов и институтов.

нодорожного транспорта и т. д. Другими словами, доминантный ресурс становится основой технико-экономических парадигм, сформулированных К. Перес [36, с. 40–45].

3. Возникновение нового техноценоза и зарождение системного цикла накопления происходит одновременно. Это подтверждается путем сопоставления концепций Дж. Арриги и Л. Г. Бадалян — В. Ф. Криворотова (табл. 4).

Таблица 4. Системные циклы накопления и техноценозы в эпоху становления и развития капитализма

Системные циклы накопления Дж. Арриги	Техноценозы Бадалян–Криворотова		
	Тип ценоза и период жизненного цикла	Доминантный ресурс	Доминирующий тип производства
I Генуэзский СЦН	Общество раннего индустриализма (1470–1720-е годы)	Дерево и вода	Специализированное сельское хозяйство, торговля
II Голландский СЦН			
III Британский СЦН	Индустриальное общество (1780–1840-е годы)	Уголь	Индустриальное производство на основе парового двигателя
IV Американский СЦН	Общество массового производства и потребления (1900–1945–1990-е годы)	Нефть	Массовое производство на основе двигателя внутреннего сгорания

Составлено по: [2, с. 45; 35, с. 242–263].

Становление и развитие ценоза происходит на фазе материальной экспансии СЦН и свидетельствует о том, что новый доминантный ресурс не только обеспечивает требуемую норму прибыли, но и позволяет извлекать сверхприбыли.

4. Рост прибыли стимулирует рост совокупного спроса и цен на готовую продукцию и на основные ресурсы, в том числе на доминантный ресурс, формируя долгосрочный инфляционный тренд.

5. Дальнейшее реинвестирование прибыли, полученной на предыдущих фазах материальной экспансии, в новые технологии, товары, формы организации торговли и инфраструктуру приводит к следующим результатам, способствующим закреплению инфляционного тренда.

Во-первых, распространение доминантного ресурса в мир-экономике неизбежно ведет к созданию все более разветвленной и усложненной инфраструктуры, обеспечивающей применение доминантного ресурса. Не случайно Дж. Арриги показывает, что последовательность СЦН описывает закономерность эволюции к режимам все большей величины, охвата и сложности. Эта закономерность находит проявление в интернализации издержек, связанных с защитой сетей торговли и производством товаров, т. е. издержек на поддержание инфраструктуры доминантного ресурса. Таким образом, поддержание постепенно утяжеляющейся инфраструктуры требует все больших затрат, с одной стороны, раскручивая маховик инфляции издержек, а с другой — способствуя нарастанию структурных перекосов и диспропорций, которые приводят к накоплению инфляционного потенциала в системе.

Во-вторых, на завершающем этапе материальной экспансии резко обостряется конкурентная борьба, когда перенакопление капитала приводит к вторжению капиталистических организаций в сферы деятельности друг друга. Среди основных инструментов решения своих проблем в этом долгосрочном перераспределительном конфликте деловые организации используют методы прямого силового давления. Анализ показывает, что завершение всех материальных экспансий сопровождалось эскалацией вооруженных конфликтов, способствовавших ускорению инфляции в зонах сигнальных кризисов.

В-третьих, к концу материальной экспансии на пике использования доминантного ресурса обнаруживается резкий рост его неэластичности. Ведущие организационные структуры накопления капитала вступают в еще один перераспределительный конфликт, подогреваемый стремлением установить контроль над доминантным ресурсом. Примером могут служить инфляционные кризисы угольной экономики в Британском СЦН 1860 г. или экономики нефти в Американском СЦН в 1973–1981 гг., совпадающие с сигнальными кризисами СЦН.

Наконец, в-четвертых, мощные структурные сдвиги в фазе материальной экспансии вследствие зарождения и развития нового техноценоза становятся также важным фактором накопления инфляционного потенциала в системе мировой экономики.

6. Падение прибыли на завершающем этапе фазы материальной экспансии приводит к переключению стратегии накопления капитала за счет расширения финансовых операций и переходу на завершающую фазу жизненного цикла режима накопления — фазу *финансовой экспансии*.

Ключевое значение всех финансовых экспансий для развертывания полномасштабной инфляционной волны заключается в том, что, во-первых, они превращали избыточный капитал, овеществленный в ландшафте, инфраструктуре, средствах производства, технологиях и торговли, в растущее предложение денег и кредита, которые находили отклик в увеличивающемся спросе структур политической власти в их борьбе за территориальное расширение границ контроля и своего влияния в мире. Во-вторых, они лишали население доходов, получавшихся прежде от участия в производстве и торговле. И, в-третьих, в результате финансовых экспансий создавались весьма выгодные рыночные ниши для финансовых посредников, способных направить растущее предложение избыточного капитала в руки специализированных организаций, испытывавших финансовые затруднения и стремившихся найти новые способы получения прибыли в торговле и производстве.

7. Как правило, представители ведущих центров накопления, сформировавшихся на этапе предшествующей материальной экспансии, лучше осведомлены о состоянии мирового рынка и в отличие от других участников этого процесса могут быстро переключаться с лидерства в производстве и торговле на лидерство в «высоких финансах». Это позволяет временно оттянуть процесс окончательного разрушения организационных структур отмирающего СЦН.

8. Время от сигнального до терминального кризиса, которое можно назвать периодом трансформационной (переходной) нестабильности, характеризуется резким усилением перераспределительных конфликтов, коренными структурными преобразованиями в хозяйственных системах, сопровождающимися усилением нестабильности инфляционных процессов. На этой фазе происходит структурный разлом

в траектории накопления капитала, которая расщепляется на две стратегические линии: одну — соответствующую логике материальной экспансии, и другую — соответствующую логике финансовой экспансии. Колебания между двумя этими стратегиями заставляют держателей крупных капиталов ради сохранения и приумножения прибыли изобретать новые финансовые схемы, инструменты и соответствующие им организационные структуры. С этой точки зрения создание центральных банков и системы частичного резервирования, провозглашение различных видов золотого стандарта и его отмена в зоне сигнального кризиса Американского СЦН, наконец, раздувание финансовых пузырей, в том числе за счет использования деривативов, можно расценивать как набор инструментов, который позволял ведущим центрам накопления капиталов осуществлять инфляционное перераспределение доходов в свою пользу. Одним из подтверждений этого тезиса является то, что в фазе финансовой экспансии Американского СЦН резко возросло количество гиперинфляционных кризисов в Латинской Америке, Африке и бывших социалистических странах.

В завершение теоретического анализа связи инфляционных волн с СЦН целесообразно представить модель инфляционной волны, разработанную на основе использования логики накопления капитала и схемы, которая заимствована нами из концепции Дж. Арриги и преобразована исходя из целей настоящего исследования (рис. 6).

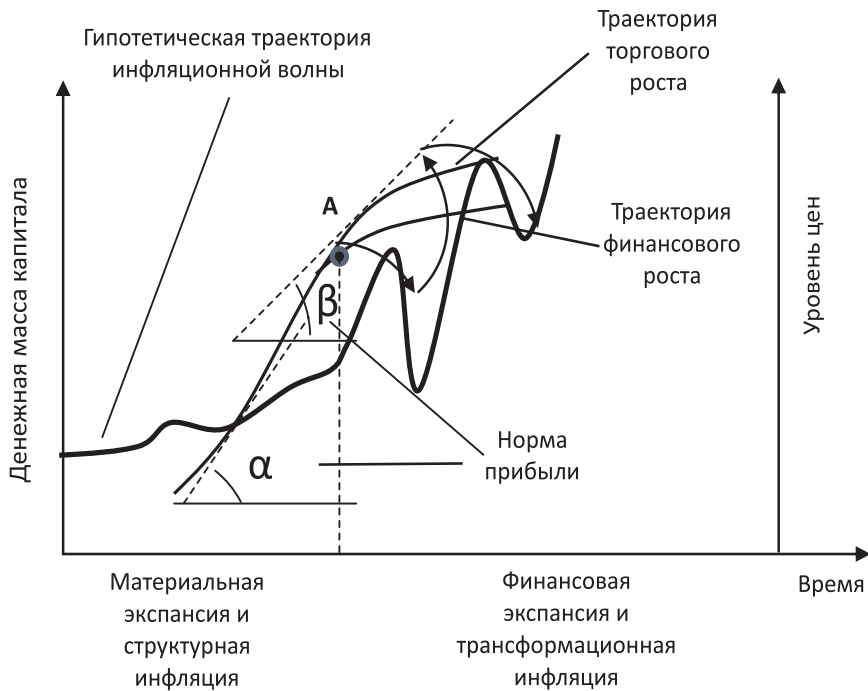

Рис. 6. Гипотетические траектории накопления капитала и модель инфляционной волны.

На рис. 6, слева от точки А, которая соответствует устойчивому росту, когда капитал вкладывается в производство и торговлю в соответствии с формулой

К. Маркса $D - T - D'$, показана единая траектория накопления капитала. Справа от точки А траектория накопления капитала определяется в соответствии с логикой финансовой экспансии $D - D'$. Точка А соответствует структурному разлому в системе накопления капитала. Углы наклона траекторий накопления α и β показывают норму накопления капитала в условную единицу времени ΔT ($\pi = \frac{\Delta D}{\Delta T}$). Очевидно, что уменьшение прибыли по мере расширения материальной экспансии отображается уменьшением угла наклона касательной к траектории накопления капитала ($\alpha > \beta$).

После прохождения точки структурного разлома А стрелками показано, что система накопления попадает в трансформационный кризис, характеризующийся нестабильностью процессов накопления. Капитал перемещается между финансовой и торгово-производственной сферами в поисках способов сохранения стоимости.

Одновременно на правой шкале отображен условный уровень цен, характеризующий гипотетическую траекторию инфляционной волны, в основе которой лежат механизмы накопления капитала.

Заключение

Итак, подводя итоги проведенного анализа, обратим внимание на три заключительных положения. Во-первых, существование в принципе длинноволновой динамики инфляции не вызывает сомнений, что, с одной стороны, доказывается эмпирическим анализом временных рядов цен в различных странах мира, а с другой — подтверждается результатами исследований других отечественных и зарубежных ученых. Однако проблема заключается в другом. До сих пор неясна природа этих колебаний, которые наблюдаются историками с древних времен. К чему они относятся и чем обусловлены — убедительных ответов на эти вопросы пока нет. Вместе с тем настоящее исследование частично проливает свет на данную проблему. В частности, определенная детерминированность длинноволновой динамики инфляции сменой режимов накопления капитала может свидетельствовать о том, что с возникновением капиталистических форм хозяйствования сформировались соответствующие им механизмы длинных волн инфляции, обусловленные спецификой перераспределительных конфликтов, связанных с накоплением капитала, возникновением и развитием особых инструментов контроля над рынками и политикой государств (например, легализация процента, возникновение системы частичного резервирования пассивных операций банков, создание центральных банков, эволюция финансовых инструментов от простых ценных бумаг до современных деривативов и т. д.).

Во-вторых, если исходить из закономерностей системных циклов накопления, то сигнальный кризис и этап структурного разлома Американского режима пройдены в 70–80-х годах прошлого века. Серия обвалов мировых финансовых рынков второй половины 90-х годов XX в. и первого десятилетия XXI в., а также распространение вооруженных конфликтов в мире свидетельствуют о том, что мировая экономика находится в настоящее время в завершающей фазе финансовой экспансии. Неоконсервативный проект «За новый американский век», представлявший собой попытку продлить жизненный цикл Американского режима накопления, после 2008 г. обернулся провалом и, вероятно, стал свидетельством наступления терминального кризиса Американского системного цикла накопления.

В связи с этим есть все основания предполагать, что с возможным появлением нового центра накопления, контуры которого все явственнее проявляются в Азии, завершится длинная волна инфляции XX в., и долгосрочный тренд, вполне возможно, развернется в сторону дефляционного сценария, реализация которого отнюдь не означает того, что инфляция перестанет быть основной макроэкономической проблемой. Вероятно, при таком развитии событий могут исчезнуть инфляционные циклы, сформировавшиеся в середине XX в., которые сменятся на существовавшие в рамках предыдущих системных циклов накопления инфляционно-дефляционные циклы. Вместе с тем следует иметь в виду, что, как показало наше исследование, размах амплитуды ценовых колебаний, особенно в Американском СЦН, не имел исторических аналогов. Сформировавшаяся крайне опасная инфляционная структура в мировой экономике, а также в странах с развивающимися рынками, к которым относится и Россия, еще долго будет оказывать влияние на ценоповышательные процессы.

Возможная реализация такого сценария заставляет обратиться к последнему заключительному положению, связанному с проблемой регулирования инфляции. В ходе последовательной смены режимов накопления инфляция превратилась из стихийного способа ликвидации диспропорций общественного воспроизводства в инструмент сознательного регулирования экономического развития и одновременно в перераспределительный инструмент разрешения противоречий ведущих центров накопления капитала (то, что было названо специфическим «финансовым активом» в руках крупнейших транснациональных корпораций мира). Учитывая данный факт, можно сделать вывод о том, что степень свободы в выработке стратегии антиинфляционной политики оказывается в поле, ограниченном рамками интересов трех противоположных сил — крупных финансовых и нефинансовых корпораций, политических элит и всего остального общества. Противоречивое единство трех сил существенно осложняет выбор политики регулирования инфляции. Соответственно, связи важным становится решение проблемы обеспечения баланса сил в современной и будущей конфигурации политико-экономического пространства.

Представленный анализ длинноволновой динамики инфляции не претендует на полноту охвата этой сложной и многогранной теоретико-методологической проблемы. Спорными могут показаться и попытки увязать волны инфляции с выделенными Дж. Арриги в его нетривиальном подходе к рассмотрению истории развития капитализма системными циклами накопления. Тем не менее оригинальность концепции СЦН, как уже отмечалось во введении, не позволила нам оставить в стороне данный аспект проблемы, который и стал целью настоящего исследования. Насколько нам удалось достичь этой цели, покажут дальнейшие результаты изучения инфляционных процессов в этом направлении.

Литература

1. Российский статистический ежегодник: стат. сб./ Госкомстат России. М., 2001. 679 с.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
3. Леонтьев М. Тупик современного развития // Однако. 21.11.2011. № 40 (104). С. 1–3.
4. Афанасьев В.Н. Диалектика собственности: логика экономической формы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. 248 с.

5. Матюхин Г. Г. Рост дороговизны и инфляция в мире капитала. М.: Международные отношения, 1984. 224 с.
6. Нерушенко И. Б. Теории инфляции и антиинфляционная политика: критический анализ буржуазных концепций. М.: Наука, 1986. 161 с.
7. Малкина М. Ю. Инфляция и управление инфляционными процессами в российской и зарубежной экономике. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2006. 330 с.
8. Аникин А. В. История финансовых потрясений. Российский кризис в свете мирового опыта. М.: Олимп-Бизнес, 2009. 448 с.
9. Каменецкий И. А. Инфляция в переходной экономике России (1992–1996 гг.). СПб.: Нестор, 1998. 84 с.
10. Чернов Ю. Экономическая философия антиинфляционной политики // Обозреватель-Observer. 2008. № 6. С. 25–39.
11. Красавина Л. Н. Снижение инфляционных рисков как фактор достижения прогнозируемых показателей инфляции и ценовой стабильности // Деньги и кредит. 2012. № 12. С. 3–11.
12. Красавина Л. Н., Пищик В. Я. Регулирование инфляции: мировой опыт и российская практика. М.: Финансы и статистика, 2009. 280 с.
13. Шахнович Р. М. Инфляция и антиинфляционная политика в переходной экономике. М.: Изд-во Либроком, 2013. 392 с.
14. Катасонов В. Ю. О проценте: ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». В 2 т. М.: НИИ школьных технологий, 2011. 544 с.
15. Рейнхарт К. Р., Рогофф К. С. На этот раз все будет иначе. Механизмы финансовых кризисов во семь столетий одни и те же / пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера Пресс, 2012. 528 с.
16. Allen C. Robert, Unger W. Richard. Global Commodity Prices Database. URL: <http://www.history.ubc.ca/faculty/unger/ECPdb/index.html> (дата обращения: 15.02.2013).
17. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М., 2007. 732 с.
18. Fischer H. D. The Great Wave: Price Revolutions and the Rhythm of History. Oxford and New York: Oxford University Press, 1996. 552 p.
19. Vernengo M. Money and Inflation // A Handbook of Alternative Monetary Economics / eds Arestis Ph., Sawyer M. Cheltenham: Edward Elgar, 2006. URL: <http://www.econ.utah.edu/~vernengo/papers/inflation.pdf> (дата обращения: 14.06.2012).
20. Mitchell D. R. Abstract of British historical statistics. Cambridge: At the University Press, 1962. P. 468–473.
21. British Library Cataloguing in Publication Data / Economic statistics 1900–1983: United Kingdom, United States of America, France, Germany, Italy, Japan. London: The Economist Publications Ltd, 1985. 123 p.
22. Давыдов А. Ю. Инфляция в экономике. Мировой опыт и наши проблемы. М.: Международные отношения, 1991. 200 с.
23. Шехин В. Последствия инфляционной экономической политики // Вопросы экономики. 1991. № 1. С. 17–27.
24. Дроздов О. А. Оценки социально-экономических последствий инфляции в российской экономической литературе 60 — середины 90-х гг. XIX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Сер.: Экономика. 2008. № 4. С. 5–25.
25. Дроздов О. А. Оценки социально-экономических последствий инфляции в российской экономической литературе 60 — середины 90-х гг. XIX в. (продолжение) // Вестн. Ленингр. гос. ун-та имени А. С. Пушкина. Научный журнал. Сер.: Экономика. 2010. № 3. Т. 6. С. 27–38.
26. Румянцева С. Ю. Длинные волны в экономике: многофакторный анализ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 232 с.
27. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб.: Наука, 1998. 796 с.
28. Протасов А. Ю. Циклическая динамика инфляции // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2007. Вып. 2. С. 39–47.
29. Протасов А. Ю. Инфляция в экономике СССР: природа, циклическая динамика, уроки для современной России // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2011. Вып. 4. С. 116–129.
30. Stanley F., Sahay R., Vegh C. Modern Hyper and High Inflation // NBER Working Paper № 8930, 2002. P. 45. URL: <http://www.nber.org/papers/w8930> (дата обращения: 24.04.2013).

31. *Munro J. H.* Money, Prices, Wages, and 'Profit Inflation' in Spain, the Southern Netherlands, and England during the Price Revolution era: ca. 1520 — ca. 1650 // *História e Economia Revista Interdisciplinary*. 2008. Vol. 4, N 1. P. 53–84.
32. *Postan M.* Mediaeval Trade and Finance. Cambridge University Press, 1973. 382 p.
33. *Гринин Л. Е., Коротяев А. В.* Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-системы: Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и пост-мальтузианских ловушек. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 480 с.
34. *Гильфердинг Р.* Финансовый капитал. М.: Политиздат, 1959. 508 с.
35. *Бадалян Л. Г., Криворотов В. Ф.* История. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 288 с.
36. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / пер.с англ. Ф. В. Маевского. М.: Дело, 2011. 232 с.

Статья поступила в редакцию 26 июня 2013 г.